

Т. А. КОЛЕСНИКОВА

Общественно-политические взгляды Ермолая-Еразма

Русская публицистика XVI века представлена многими авторами. В числе их есть и выразители интересов уходящего в прошлое боярства и идеологи растущего, набирающего силу дворянства, наконец, и крестьянство поднимает голос в свою защиту. Немаловажное место среди публицистов второй группы занимает Ермолай-Еразм. Священник по роду занятий, принявший впоследствии монашество, интересовавшийся в своих работах не только вопросами церковно-религиозными, но и посвятивший немало страниц чисто светским проблемам, Ермолай-Еразм выделялся среди других публицистов своего времени особым интересом к устройству общества.

Вопрос о том, какие из приписываемых Ермолаю-Еразму произведений принадлежат действительно ему, не получил еще окончательного решения в нашей литературе. Однако имеются произведения, автором которых с полным основанием можно считать Ермолая-Еразма, это — „Благохотящим царем правительница и землемерие“, „Того ж списателя к царю моление“, „Поучение к своей комуждо души некого Ермолая“ и „Слово о разсужении любви и правде и о побеждении вражде и лже“. О принадлежности их одному автору можно судить по единству взглядов на некоторые предметы, высказываемых часто одними и теми же словами.

В „Молении к царю“ Ермолай-Еразм, предлагая царю свои литературные услуги, говорит о другом своем произведении мирского характера, ставящем целью достигнуть „благоугодия земли и умаления насильства“.¹ Этим произведением, повидимому, является „Правительница“, так как основная цель ее — „се убо всякого мятежа о земных умалится“.²

Несмотря на то, что имя Ермолая-Еразма вошло в научную литературу уже во второй половине XIX века, облик его как публициста еще не выяснен в достаточной степени, до сих пор остается спорным вопрос о том, выразителем интересов какого класса он является. Даже в советской историографии при выяснении вопроса о социальной направленности проекта реформ, предлагаемого Ермолаем-Еразмом, были допущены ошибки, в результате чего долгое время имела распространение точка зрения, рассматривающая Ермолая-Еразма в качестве защитника и выразителя интересов крестьянства.

¹ И. А. Шляпкии. Ермолай Прегрешный новый писатель эпохи Грозного. СПб., 1911, стр. 24.

² Летопись занятий Археографической комиссии (ЛЗАК), вып. 33. Л., 1926, стр. 194—195.

Р. Ю. Виппер первый увидел в авторе проекта защитника интересов крестьянства — „последовательного народника“, по его выражению.¹ В своей работе „Иван Грозный“ Р. Ю. Виппер останавливается на анализе „Правительницы“ и считает „Слово к благохотящим царем“, как он называет „Правительницу“, сочинением, очень характерным для своей эпохи как по стилю, так и по содержанию: „... в нем видна мера того народничества, которое допускалось правительством и которое оно охотно слышало от общества“.²

Р. Ю. Виппер видит защиту крестьянских интересов автором проекта и в том, что автор предлагает дать крестьянам на поместных землях „полные жребии“. Р. Ю. Виппер расценивает их как „большие участки“, т. е. превышающие размеры существующих крестьянских участков. Однако крестьянские „полные жребии“ не превышали в XVI веке обычных размеров участков поместных крестьян, а Ермолай-Еразм в своем проекте как раз имеет в виду крестьян, принадлежащих служилым людям — помещикам.

Р. Ю. Виппер считает, что автор „Правительницы“ работал по византийским источникам. Доказательство этому он видит в предлагаемом автором способе измерения земель: „поприще“ напоминает ему квадраты римских землемеров. Кроме того, знакомство автора „с наиболее демократическими законами римских императоров, которые не раз брались защищать своих крестьян-солдат против захвата со стороны крупных владетелей, объясняет, по мнению Р. Ю. Виппера, то обстоятельство, почему Ермолай-Еразм обратился с проектом „защиты“ крестьян к царю.“³

Таким образом у Р. Ю. Виппера автор проекта — „последовательный народник“, надеющийся найти поддержку в своем стремлении защитить крестьян у самого царя. Следовательно, в трактовке личности автора и его проекта Р. Ю. Виппер занимает буржуазные позиции, рассматривая государство как надклассовую силу, стоящую над обществом, призванную заботиться о благе всех подданных государства.

Во втором издании своей книги, вышедшем в свет через 22 года после первого, Р. Ю. Виппер несколько пересмотрел свои взгляды на „Правительницу“ и ее автора, отказавшись от некоторых формулировок, но в сущности продолжая оставаться на старых позициях. Автор проекта у него попрежнему защищает крестьян, „заботится об их участи“, проект назван „благоприятным крестьянам“.⁴ Р. Ю. Виппер пытается выяснить, чем объясняется своеобразная идеология проекта, и находит объяснение в признании решающего влияния заволжских старцев, выступавших „против стяжательства“ „вельмож“, под которыми они разумели крупных иерархов и богатые монастыри.⁵ В этом сближении позиции Ермолая-Еразма с заявлениями заволжских старцев Р. Ю. Виппер правильно подметил, что для Ермолая-Еразма главными в „защите“ крестьянства являются не интересы крестьян сами по себе, а интересы той или иной группировки господствующего класса. Однако недоказанным остается „влияние“ заволжских старцев на направление проекта реформ Ермолая-Еразма.

Никакого влияния заволжских старцев нельзя усмотреть в проекте; наоборот, антибоярская направленность проекта не подлежит сомнению.

¹ Р. Ю. Виппер. Иван Грозный. Изд-во „Дельфин“, 1922, стр. 36.

² Там же, стр. 38.

³ Там же, стр. 37.

⁴ Р. Ю. Виппер. Иван Грозный. М.—Л., 1944, стр. 39

⁵ Там же.

Об этом говорит и установление предела земельных владений, и обязательность службы без денежного вознаграждения, и выступление автора против боярской гордости, за первенство личных заслуг перед знатностью.

Точка зрения Р. Ю. Виппера, рассматривающего Ермолая-Еразма как защитника интересов крестьянства, получила большое распространение особенно после выхода в свет рабты В. Ф. Ржиги „Литературная деятельность Ермолая-Еразма“.¹ Незначительное улучшение положения крестьян, которое могло произойти в случае осуществления реформ, В. Ф. Ржига расценил с точки зрения проявления подлинных чаяний крестьянства, отметив, что автор „Правительницы“ „впервые облакает крестьянские чаяния в положительную формулировку, определенную и яркую“.² В. Ф. Ржига подчеркивает „народнические симпатии Ермолая-Еразма“.³

Работа В. Ф. Ржиги представляет несомненную ценность обоснованием принадлежности Ермолаю-Еразму ряда произведений, среди которых находится и „Правительница“.

На позициях признания Ермолая-Еразма крестьянским идеологом, защитником интересов крестьян стоит и И. У. Будовиц. В своей книге „Русская публицистика XVI века“ он рассматривает Ермолая-Еразма как выразителя интересов крестьянства, указывает на близость Ермолая-Еразма к народу, видит симпатии Ермолая-Еразма к беднейшему населению и при решении вопроса о городе. Умеренность средств, предлагаемых Ермолаем-Еразмом для улучшения положения крестьян, И. У. Будовиц объясняет влиянием на мировоззрение Ермолая-Еразма митрополита Макария; последний всегда стремился к решению всех вопросов компромиссным путем.⁴

И. У. Будовиц и В. Ф. Ржига отмечают утопический характер мер, касающихся крестьянских повинностей, и вместе с тем подчеркивают жизненность некоторых его предложений.

В своем труде „Крестьяне на Руси...“ Б. Д. Греков посвятил специальную главу крестьянскому вопросу, где и остановился на Ермолае-Еразме и его проекте. Не называя Ермолая-Еразма крестьянским идеологом, Б. Д. Греков вместе с тем подчеркивает его демократизм, его сочувствие низшим слоям общества.⁵ Б. Д. Греков основной упор делает на показе усиливающейся роли денег в обществе, влияющей на ухудшение положения крестьян, и под этим углом зрения рассматривает Ермолая-Еразма и его проект. Он особенно останавливается на предложении Ермолая-Еразма взимать оброк с крестьян не деньгами, а натурой, хлебом, характеризует Ермолая-Еразма за это мероприятие как „врага серебра“, как человека, мечтающего о возвращении старины.⁶

Признает заинтересованность Ермолая-Еразма положением крестьян и акад. А. С. Орлов в „Истории русской литературы“, где он отмечает, что и „Беседа валаамских чудотворцев“ и „Правительница“ „проявляют интерес к облегчению тягот крестьянства“.⁷

Однако в настоящее время эта точка зрения не является общепризнанной. В советской историографии существует и другой взгляд на

¹ ЛЗАК, вып. 33, стр. 103—200.

² Там же, стр. 188.

³ Там же.

⁴ И. У. Будовиц. Русская публицистика XVI века. М.—Л., 1947, стр. 222—227.

⁵ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. М.—Л., 1946, стр. 762.

⁶ Там же, стр. 765.

⁷ История русской литературы, т. II, Изд. АН СССР, 1945, стр. 487.

Ермолая-Еразма: он рассматривается как дворянский идеолог, защитник интересов дворян-помещиков. Такую точку зрения поддерживает ряд исследователей, хотя и не занимавшихся специально Ермолаем-Еразмом и его проектом, но высказавших свое отношение к ним. Так, П. А. Садиков в работе „Очерки по истории опричнины“ отметил, что „подобная забота о низших классах московского общества так же характерна для сочинений Еразма, как и вопрос об уничтожении холопства для Ивашки Пересветова“,¹ указав этим на то, что Ермолай-Еразм в защите крестьянства остается на позициях господствующего класса, т. е. дворянства.

Т. И. Райнов в книге „Наука в России XI—XVII веков“ называет Ермолая-Еразма „известным своими литературно-политическими выступлениями в интересах служилого дворянства“.²

Разделяет мнение о Ермолае-Еразме как дворянском идеологе и О. В. Трахтенберг в статье „Общественно-политическая мысль в России в XI—XVII вв.“. Он указывает на близость Ермолая-Еразма пересветовским идеям, считая, что „утопичность проекта Ермолая-Еразма несомненно отражала с позиций господствующего класса кризис, переживавшийся в то время крестьянским хозяйством в связи с развитием товарно-денежных и укреплением крепостнических отношений“.³

Более развернутую характеристику Ермолая-Еразма и его проекта дал И. И. Смирнов, который отметил, что критика эксплуатации крестьянина ведется Ермолаем-Еразмом с позиций господствующего класса с целью „урегулировать взаимоотношения между крестьянами и землевладельцами и этим устранить опасность мятежей“.⁴ Эта краткая формулировка показывает самую сущность проекта и ясно обрисовывает социальное лицо его автора.

Учитывая все вышесказанное, следует признать, что вопрос о Ермолае-Еразме нельзя считать окончательно решенным, он требует дальнейшего внимательного изучения.

Для изучения общественно-политических взглядов Ермолая-Еразма, для выяснения его классовой принадлежности наибольший интерес представляют два его произведения: „Благохотящим царем правительница и землемерие“ и „Того ж писателя к царю моление“.

Слово „правительница“ употреблено здесь в смысле „руководства“, поэтому заглавие произведения переводится следующим образом: „Руководство для желающих блага царей и измерение земли“. „Правительница“ представляет собой проект двойного рода реформ: одни касаются вопросов социально-экономической жизни общества, другие имеют целью подъем общественной нравственности.

В отличие от „Правительницы“, посвященной исключительно общественным вопросам и не носящей на себе следов личной заинтересованности автора, „Моление к царю“ проникнуто личными мотивами и написано с целью представить на суд царя свои произведения, а также получить денежную помощь, дабы „в прочаа дни в устроении нематейне пожити“.

¹ П. А. Садиков. Очерки по истории опричнины. М.—Л., 1950, стр. 11.

² Т. И. Райнов. Наука в России XI—XVII веков. М.—Л., 1940, стр. 185.

³ О. В. Трахтенберг. Общественно-политическая мысль в России в XI—XVII вв. Сборник „Из истории русской филологии“. Госполитиздат, 1951, стр. 72.

⁴ И. И. Смирнов. Восстание Болотникова. 1606—1607. Госполитиздат, 1951, стр. 35.

Уже самый характер этих произведений указывает, что основное значение при выяснении общественно-политических взглядов Ермолая-Еразма имеет „Правительница“.

Встает вопрос о том, к какому времени следует отнести написание „Правительницы“? Среди исследователей дореволюционного периода датировка памятника вызывала большие разногласия, существовало несколько точек зрения на этот счет.

В советской историографии общепризнанным считается мнение В. Ф. Ржиги, который считает, что „Правительница“ написана в 40-х годах XVI века, видя основания для такого утверждения в самом тексте памятника: Ермолай-Еразм посвятил вторую часть своего проекта вопросу об искоренении пороков общества, особенно подчеркивая пагубное влияние на нравственность „корчемниц“. В. Ф. Ржига указывает, что большое распространение корчемные дворы получили в Новгороде в 40-х годах XVI века. Распространяя по аналогии это явление на Псков, к которому, по его мнению, имел отношение Ермолай-Еразм, В. Ф. Ржига и признает временем написания „Правительницы“ 40-е годы XVI века.¹

Попытаемся выяснить более точно время написания „Правительницы“. Материал для уточнения этой даты дает сам текст памятника.

Наиболее обширная часть проекта реформ, составляющего содержание „Правительницы“, посвящена рассмотрению вопроса об измерении земли. С целью ускорения работы землемеров автор предлагает ввести новую единицу измерения, намного больше прежней. Указание автора проекта на усиленную деятельность землемеров является очень ценным.

Слишком медленная работа землемеров рассматривается автором как некое общественное зло, существующее постоянно и требующее немедленного применения мер для своего искоренения. Автор, ставя вопрос о землемерах, исходил не из отдельных случаев испомещения служилых людей, а имел в виду какое-то массовое перераспределение земли, коснувшееся значительной части крестьянства.

Для XVI века мы знаем одно крупное испомещение служилых людей — это испомещение „тысячи“ в 1550 году. Тогда для землемеров наступила горячая пора, им пришлось много поработать при выполнении своей государственной миссии. Вполне вероятно, что их деятельность сопровождалась теми нежелательными для крестьян явлениями, на которые указывает Ермолай-Еразм. Эти соображения дают основание предполагать, что временем написания „Правительницы“ были примерно 1550—1551 годы.

Автор главное внимание уделяет вопросу об обществе, о том, как должны сочетаться права и обязанности различных классов, какие взаимоотношения должны существовать между ними. Вопрос о государственной власти играет у автора подчиненную роль и рассматривается только для того, чтобы подчеркнуть важность предлагаемых им реформ и привлечь внимание адресата — русского царя — к проекту. С этой целью Ермолай-Еразм использует теорию о Русском государстве как единственном истинно православном государстве в мире, делая отсюда нужным для него вывод об обязанности русского царя заботиться о благе всех подданных, ибо такое выдающееся положение русского царя среди неверных правителей налагает на него большие обязанности: „Аще же убо верою прав ест, достоин ему неленостно снискати, раз-

¹ В. Ф. Р ж и г а. Литературная деятельность Ермолая-Еразма. ЛЗЭК, вып. 33.

смотря, яже ко благополучению всем сущим под ним, не единими велможами еже о управлении пеших, но и до последних“.¹

Приступая к решению вопроса о строении общества, Ермолай-Еразм прежде всего выясняет, что составляет основу общества, от чего зависит благосостояние и даже само существование общества. Эту основу составляют, по его мнению, крестьяне, или „ратаи“, как он их называет. Крестьяне в силу того, что они производят хлеб, от которого „всех благих главизна“, заслуживают признания наибольшей степени нужности в обществе, стоя в этом отношении даже выше вельмож: „Вельможа бо сут потребни, но ни от коих же своих трудов довольствующеся. В начале же всего потребни сут ратаеве: от их бо трудов ест хлеб, от сего же всех благих главизна: богови в службу бескровная жертва хлеб приносится и в тело христово претворяется, потом же и вся земля от царя и до простых людей тех труды питаема“.²

Эта основа общества, питающая его, не находится в спокойном состоянии, постоянно в „волнениях скорбных“ пребывает³ из-за тяжелых повинностей, лежащих на ней. Крестьяне страдают от того, что „безпрестани различные работная ига подъемяют: овогда бо оброки дающе сребром, овогда же ямская собраниа, овогда же ина“.⁴ Кроме того, крестьяне терпят большие обиды от злоупотреблений царских сборщиков, собирающих подати в государственную казну и попутно „подле царского уставления и себе с них многа“⁵ берущих, а также во время своих поездок требующих с населения много денег для исполнения ямской повинности. Но и этим не исчерпываются тяготы, которые несут крестьяне. К ним еще добавляются расходы, связанные с содержанием царских землемеров, наделяющих землей воинов. Землемеры, имея малую единицу измерения, надолго заживаются у крестьян, обедая их при этом.

Выяснив причины тяжелого положения крестьян, ведущего к прямым выступлениям с их стороны, Ермолай-Еразм предлагает меры для устранения этих зол, доказывая справедливость своих предложений то наблюдениями над явлениями природы: „Подобно бы убо в лете един тяжательный ярем носити сим, яко бо всяка тварь птицы и зверие и скоти единою летом изнемогают линством“,⁶ то ссылками на авторитет священного писания, например ссылкой на Иосифа Прекрасного, который, будучи в Египте во время голода, раздавал голодающим пшеницу за сокровища, не имеющим же их давал хлеб в счет будущего урожая из расчета уплаты пятой частью урожая. Из рассказа об Иосифе Ермолай-Еразм делает вывод о том, в какой форме и в каком количестве следует брать подати с крестьян, напоминая, что пример Иосифа повлиял на правителей других стран, которые стали со своих подданных брать долю от плодов своей земли: „... идеже бо ражается злато и серебро, ту и воздают злато и серебро, а идеже плодятся множество великих скот, ту и воздают скоти, а идеже плодятся зверие, ту и воздают зверие“.⁷

Русь в изображении Ермолая-Еразма является страной земледельческой. Здесь не рождается ни серебра, ни золота, нет в ней

¹ ЛЗАК, вып. 33, стр. 193.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же, стр. 194.

и больших стад скота, рождается же здесь самое дорогое из всех земных благ — хлеб.

Все эти соображения и служат Ермолаю-Еразму основанием для предлагаемой им реформы крестьянских повинностей. Следует царям и вельможам с крестьян брать подати хлебом — пятую часть, как это сделал Иосиф в Египте, но не деньгами, ибо крестьяне денег не имеют и не знают, откуда их взять. Взимать деньги с крестьян нельзя еще и потому, что они (деньги) из царской казны раздаются вельможам и воинам „на богатство, а не нужда ради“,¹ ибо для удовлетворения непосредственных нужд вельмож и воинов достаточно будет пятой части урожая, с которой они могут жить и нести службу.

Перечисляя повинности крестьян, Ермолай-Еразм ничего не упоминает о барщине, и это отнюдь не случайно. Барщина в то время только начинала получать распространение, не была еще господствующей формой крестьянских повинностей, очевидно поэтому Ермолай-Еразм не включает ее в их число. У помещика, по проекту Ермолая-Еразма, еще нет барской запашки. Это можно доказать на основании простого расчета. На четвероугольном поприще,² равном $833\frac{1}{3}$ четвертям, находится „20 ратаевых полных жребий“. Каждый крестьянский участок равен $12\frac{1}{2}$ четвертям в одном поле или $37\frac{1}{2}$ четвертям в трех полях; в сумме эти 20 участков дадут земельный надел, равный $833\frac{1}{3}$ четвертям,³ следовательно барской запашки нет, значит отсутствует и барщина.

Из общего вопроса о крестьянских повинностях Ермолай-Еразм специально выделяет вопрос о ямской повинности, решая его следующим образом: крестьяне должны быть освобождены от уплаты ямской повинности, последняя должна быть переложена на города. „Ямская же правления вся подробно достоин устратя, от града по расписанию и до другого града“.⁴

В связи с рассмотрением вопроса о ямской повинности Ермолай-Еразм касается положения города и роли его хозяйственной жизни. Город у Ермолая-Еразма — торговый центр, где живут „стяжатели многа прибылька“.⁵ Они и должны нести на себе тяжесть ямской повинности, но зато в вознаграждение городское население освобождается от всех торговых пошлин.

Рассмотрев крестьянские повинности, Ермолай-Еразм делает вывод о том, что все предложенные им меры поведут к уменьшению волнений в деревнях: „Се убо всякого мятежа о земных умалится“.⁶ Для волнений не будет причин, ибо прекратятся сборы податей и связанные с ними злоупотребления, уменьшится число сборщиков податей.

Все рассмотренные Ермолаем-Еразмом вопросы служат как бы введением к основной части „Правительницы“, касающейся реформы землеизмерительной единицы. Ермолай-Еразм предлагает с целью ускорения раздела и прекращения земельных тяжб заменить действовавшую меру, четверть, более крупной — четвероугольным поприщем. Тут же приводится подробное изложение соотношения четвероугольного поприща и четверти. Ермолай-Еразм подчеркивает преимущества, которые принесет

¹ Там же.

² О четвероугольном поприще см. ниже.

³ 20 крестьянских участков = 750 четвертям, остальные $83\frac{1}{3}$ четверти идут на сено и лес.

⁴ ЛЗАК, вып. 33, стр. 194.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 194—195.

введение четверогранного поприща. С применением его будут достигнуты две цели: 1) ускорится работа землемеров в 10 раз — „кими денми ныне град описовати, теми денми возмогут 10 град описовати и, понеже четвертинная мера в частости мешкано, сия же поприщами около вдруг все оградит“,¹ 2) прекратятся земельные тяжбы, ибо границы земельных участков будут более четки и хищение с чьей-либо стороны сразу станет заметным: „Аще бо кто хошет прекривити, и убо мера обличит, яко излишня чюжая восхити, у кого же отъят, тако же мера обличит, яко обиден ест“.²

Ермолай-Еразм не ограничивается теоретическим изложением преимуществ от введения четверогранного поприща, а приступает к рассмотрению практического пользования им при наделении земель.

Прежде всего он решает вопрос об обеспечении землей самого царя. Этот вопрос действительно требовал особого внимания, так как освобождение крестьян от уплаты податей в пользу государя и прекращение сбора торговых пошлин лишали царя части его доходов. Нужно было подумать о восполнении этой утраты. С этой целью Ермолай-Еразм предлагает царю отделить себе по своему желанию определенное количество поприщ в городах и брать с крестьян пятую часть урожая в свою пользу. Для доказательства того, что интересы государя при этом не пострадают, Ермолай-Еразм приводит примерную цифру того количества зерна, которое царь может иметь, если отделит себе в 100 городах по 10 поприщ и если урожай будет сам-пять.³

Цифра эта достигает довольно внушительной величины — 2,5 млн четвертей с одного поля. Этого количества зерна вполне достаточно не только для удовлетворения потребностей царя, но и для продажи, с целью получения денег.

Переходя к вопросу о наделении землей бояр и воинов, Ермолай-Еразм намечает шесть категорий земельных наделов, дающихся „комуждо по достоинству“. Высший оклад в 4 поприща в 8 раз превышает низший, в 0,5 поприща, соответствующий наделу в 125 четвертей в поле. Между этими крайними границами находятся наделы в $2\frac{1}{2}$, 2, $1\frac{1}{2}$ и 1 поприще. Ермолай-Еразм оговаривает и тот возможный случай, когда поприще будет неравно поприщу. Он считает такое неравенство вполне допустимым и естественным, ибо сами люди отличаются друг от друга.

Из государственных повинностей Ермолай-Еразм останавливается еще на наместничьем корме, предлагая также освободить крестьян от его уплаты.

Государственная служба не должна оплачиваться денежным жалованием, а должна исполняться с земли. Наделение воинов и бояр землей налагает на них обязанности несения бесплатной службы в пользу государя.

В рассуждениях Ермолая-Еразма о боярской „величине“ ясно видны его симпатии к служилым людям — помещикам. Знатность происхождения и богатство, которым обладает тот или иной боярин, не должны служить причиной выделения его из среды служилых людей, они не дают ему права вести себя перед ними „яко государем“. Вся разница

¹ ДЗАК, вып. 33, стр. 195.

² Там же.

³ Следует отметить, что Ермолай-Еразм для убеждения господствующего класса в том, что одна пятая урожая не так уж мала, берет наибольшую урожайность. По данным Н. Рожкова, средняя урожайность того времени была сам-три. Часто урожайность достигала только сам $1\frac{1}{2}$, сам $1\frac{2}{3}$. (Н. Рожков. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. М., 1899, стр. 57).

между членами господствующего класса заключается только в различной величине земельных наделов. Любая государственная должность понимается Ермолаем-Еразмом не как некая привилегия избранных, а как необходимое дополнение к земельному наделу. Большой земельный надел требует от его владельца исполнения больших обязанностей без какого-либо денежного вознаграждения: „Не достоин бо никому же боярам и воеводам и воином, своя ратая имуще, со инех же сребро имати. Аще бо кто предо инеми войны и велик ест, то по достоянию его болши ест земли вдано ему, и тако ратаев своих предо инеми войны болши стяжет, ового вдвое, а инаго втрое, инех же в седмеро и в осмеро. Сей тако велик ест, аще и воеводствовати или боярствовати удобен, но неудоб же ест ему предо инеми войны яко государем быти. Се ест излишнее и богатество и гордост, еже у своих ратаев удобная доволствия взимая, к сему же и с чюжих сребро взимати“.¹

Сознавая необходимость заботы о безопасности государства, Ермолай-Еразм рассматривает вопрос о том, по какому принципу должна нести воинская повинность. Основой для несения воинской повинности служилыми людьми является четверогранное поприще. Получивший от царя в пользование поприще земли выступает в поход сам „и с ним слуге в бронях“. Большое количество поприщ влечет за собой увеличение количества слуг, обязанных выйти в поход.

Установив, таким образом, нормы несения воинской повинности, Ермолай-Еразм переходит к рассмотрению вопроса о том, как сделать войско царя действительно боеспособным, готовым в любой момент выступить в поход. Он видит препятствие к этому в том, что служилые люди живут в своих поместьях: это не только затрудняет сбор войска, замедляет его, но и дает возможность некоторым лицам совсем не являться на службу. Если же войны будут жить в городах, получая от своих крестьян „установленное“, все эти нежелательные для государства явления, по мнению Ермолая-Еразма, будут сразу ликвидированы: „яко едина царева грамота о воинстве придет к ним, и единаго часа вси, слышав, усрамятся друг друга отлучитися, но единомысленно и в един день вси грядут на порученную им службу“.²

Переходя ко второй части проекта, включающей в себя ряд мер, направленных на подъем общественной нравственности, Ермолай-Еразм снова обращается к авторитету священного писания, дабы обосновать необходимость вмешательства царя и в эту сторону жизни. Большие обязанности налагаются на царя его саном: „ему же дано боле, и взищется боле от него, и ему же дано, множайши, множайши и просят от него“.³

На примере Пскова Ермолай-Еразм показывает пагубное влияние корчем на нравственность.

Для устранения начала всех зол — пьянства — Ермолай-Еразм предлагает запретить разведение хмеля; для прекращения душегубства он предлагает кузнецам ковать ножи с тупыми концами. В этом предложении Ермолая-Еразма обращает на себя внимание уверенность автора в силе государственной власти, в силе государственных установлений. Это свидетельствует о больших сдвигах в общественном сознании, происшедших в связи с образованием централизованного государства. „Меры“, предлагаемые Ермолаем-Еразмом, не могли быть выдвинуты в обстановке феодальной раздробленности.

¹ ЛЗАК, вып. 33, стр. 197.

² Там же.

³ Там же, стр. 198.

В чьих интересах написан проект, чьим идеологом является Ермолай-Еразм — вот вопросы, которые нас интересуют и на которые мы должны дать ответ в результате анализа „Правительницы“.

В науке, как мы видели, существуют две точки зрения по этому вопросу: одна часть исследователей считает Ермолая-Еразма защитником интересов крестьянства, другая видит в Ермолае-Еразме дворянского идеолога, стоящего на позициях защиты интересов господствующего класса.

Можно ли назвать Ермолая-Еразма крестьянским идеологом, выразителем и защитником интересов крестьянства?

Ермолай-Еразм предлагает ввести в масштабах всего Русского государства единообразный порядок уплаты податей крестьянами землевладельцу. Эта мера в какой-то степени упорядочивала бы отношения между крестьянами и феодалами; крестьянские обязанности были бы ясно определены, так что крестьянин был бы огражден от безмерных требований со стороны господина. Кроме того, освобождение крестьян от несения государственных повинностей несомненно отразилось бы на положении крестьян в сторону его улучшения, ибо повинности в пользу государя достигали очень больших размеров. Уменьшение количества дней, в течение которых крестьяне должны были содержать царских землемеров, было бы также в пользу крестьян.

Таким образом мы видим, что предлагаемые Ермолаем-Еразмом реформы частично улучшили бы положение крестьян, привели бы к некоторому смягчению испытываемого ими гнета. Такой характер реформ, а также самый тон речи автора, проникнутый сочувствием к крестьянину, создают впечатление, что Ермолай-Еразм выступает здесь как защитник интересов крестьянства. Именно это обстоятельство и послужило некоторым исследователям основанием для признания его крестьянским идеологом, причем от внимания этих исследователей ускользнула цель проекта, так ясно указанная самим автором.

Цель же эта совершенно иная. Ермолай-Еразм считает, что решение крестьянского вопроса в том плане, как он это предлагает, приведет к уменьшению количества крестьянских волнений — „се убо всякого мятежа о земных умалится“,¹ обеспечит установление классового мира, сохранит неприкосновенным существующий строй. О каком-либо коренном изменении положения крестьян в проекте нет и речи.

На цель проекта указывает также высказывание Ермолая-Еразма в другом его произведении — „Молении к царю“, где Ермолай-Еразм предлагает вниманию царя произведение, посвященное мирским вопросам, ставящее целью достижение „благоугодия земли и умаление насилиства“.² Очевидно, Ермолай-Еразм имеет здесь в виду „Правительницу“.

В этом свете понятны все предложения Ермолая-Еразма, продиктованные отнюдь не желанием изменить коренным образом положение крестьянина. Смысл предлагаемой Ермолаем-Еразмом реформы — новое землеустройство, передел земли, который не оставит места для боярского, вотчинного землевладения, по которому вся земля окажется разделенной между служилыми людьми. Открыто говоря об ослаблении крестьянских волнений как о положительном следствии реформы, Ермолай-Еразм стремится в сущности к тому, чтобы эксплуатацию крестьян передать целиком в руки дворянства. Классовые требования

¹ ЛЗАК, вып. 33, стр. 194—195.

² И. А. Шляпкин. Ермолай Прегрешный новый писатель эпохи Грозного, стр. 24.

дворянства подаются здесь в форме бессознательно лицемерной защиты интересов крестьянства, в бессознательно лицемерной идеологической оболочке. Рассуждения Ермолая-Еразма в этом случае напоминают встречающиеся именно в XVI веке рассуждения о „вечной справедливости“, с типичными для этого времени ссылками на примеры из области природы. По выражению Ф. Энгельса, „эта справедливость всегда представляет собою лишь идеологизированное, вознесенное в небеса выражение существующих экономических отношений либо с их консервативной, либо с их революционной стороны“.¹ Ермолай-Еразм не требует никаких „уступок“ от дворянства в пользу крестьянства. Дворяне ничего не теряли от предлагаемых им реформ, наоборот, к ним отходила часть доходов с крестьян, шедших государству, и часть тех доходов, которые получало с крестьян купечество, покупая у них хлеб, когда крестьяне обязаны были часть повинностей платить деньгами. По проекту Ермолая-Еразма, дворяне-помещики, получая весь оброк натурой, имели возможность, минуя перекупщиков, сами продавать хлеб.

Уже сама цель написания проекта ставит под сомнение верность суждения о Ермолае-Еразме как крестьянском идеологе. Разве мог Ермолай-Еразм, будь он действительно идеологом крестьянства, выражая его интересы, выступить против крестьянских волнений, являвшихся для крестьянина единственным средством сопротивления все усиливавшемуся гнету? Разве мог он в таком случае добиваться не коренного изменения положения крестьян, а лишь незначительных уступок?

Быть идеологом какого-нибудь класса, выражать его интересы — это значит понять и высказать коренные, насущные нужды этого класса, ради которых класс борется, осуществление которых является для него жизненной необходимостью. Об этом ли говорят предлагаемые Ермолаем-Еразмом реформы? Отвечали ли они крестьянским требованиям и чаяниям?

Самым жизненным вопросом для крестьянина XVI века, решения которого он добивался всеми имевшимися в его распоряжении средствами, был вопрос о ликвидации растущей крепостной зависимости, о возвращении права свободного выхода. Крестьянский идеолог не мог бы не откликнуться и не добиваться решения этого вопроса в интересах крестьянина.

Как же поступает Ермолай-Еразм, как решает он этот важнейший для крестьянина вопрос? Для выяснения этого обратимся к рассмотрению изложенной Ермолаем-Еразмом теории общества.

Признавая в качестве основы существующего общества крестьян, Ермолай-Еразм признает вместе с тем обязанностью крестьян содержать все остальные классы общества на свой счет. Крестьяне у Ермолая-Еразма крепко связаны с землей; наделение воинов и бояр землей одновременно означает наделение их крестьянами. Ермолай-Еразм считает крепостную зависимость естественным состоянием крестьянина и не допускает даже мысли о каком-либо коренном его изменении. Крестьянские волнения являются помехой в жизни общества, в жизни господствующего класса, нарушающей нормальный ход ее, и поэтому требуется вмешательство государственной власти для их пресечения.

При рассмотрении вопроса о крестьянских повинностях Ермолай-Еразм применяет такой тактический прием: он особо рассматривает

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XV, стр. 71.

вопрос о государственных повинностях, как бы говоря этим, что он требует принципиально иного решения, чем вопрос о повинностях в пользу землевладельца: если в отношении повинностей феодалу речь шла только о некотором упорядочении в их взимании, то здесь — о полной ликвидации государственных повинностей. Ермолай-Еразм, предлагая освободить крестьян от уплаты государственных повинностей, не расходился с интересами и взглядами на этот предмет своего класса. Тенденция к освобождению подвластного населения от уплаты государева тягла была очень заметна как среди светских, так и среди духовных землевладельцев. С этой целью переводили крестьян в состояние половников и монастырских детенышей, так как те и другие либо совсем, либо частично освобождались от несения государева тягла.

Государственные подати были очень разнообразны и тяжелы для населения. Помещик был заинтересован в том, чтобы государственные повинности были ликвидированы, ибо это означало, что все предназначенное для их уплаты оставалось в хозяйстве крестьянина, точнее говоря — в хозяйстве самого феодала. Помещик стремился видеть зависимого от него крестьянина работоспособным, но это совсем не значит, что он заботился о благосостоянии самого крестьянина; он заботился о крестьянине постольку, поскольку последний являлся его рабочей силой и основой всего его хозяйства. Личное благосостояние помещика зависело целиком от того, насколько прочна эта основа, насколько она в состоянии вынести и выполнить все требования, предъявляемые господином. Освобождение крестьянина от уплаты государственных повинностей как раз отвечало этой задаче: та часть продукта труда крестьянина, которая раньше шла на уплату государевых податей, теперь находилась в хозяйстве крестьянина, от этого же увеличивалась пятая часть урожая, идущая в пользу землевладельца. Из всей массы государственных повинностей Ермолай-Еразм соглашается оставить за крестьянами лишь одну, имеющую оборонное значение, — обязанность крестьянина ходить в поход вместе со своим феодалом.

От подобного решения вопроса о крестьянских повинностях феодал только лишился бы права безгранично эксплуатировать своего крестьянина, были бы установлены определенные нормы этой эксплуатации, с целью сохранения самой эксплуатации, но никаким коренным, принципиальным изменением отношения между землевладельцем и крестьянином не подверглись бы, некоторое упорядочение их было бы в интересах самого феодала.

Ермолай-Еразм остается на позициях защиты интересов землевладельцев и в вопросе о введении новой земельной меры. Предлагая измерять землю не четвертью, а единицей большей, чем четверть, — четверогранным поприщем, Ермолай-Еразм считает, что этим будут ликвидированы земельные тяжбы, а также ускорится процесс измерения земель, следовательно сократится количество дней содержания землемеров на иждивении крестьян. Однако больше крестьяне ничего не получили бы с введением четверогранного поприща, ибо тяжбы между ними были бы столь же неизбежны и обычны, как и раньше. Ведь крестьянские участки внутри владений феодала имели бы такие же неясные границы, какие имели до введения четверогранного поприща; четкость границ была бы очевидна лишь для различных землевладельцев, следовательно речь шла о прекращении земельных споров между феодалами, а не между крестьянами.

Но четверогранное поприще не только поэтому отвечало интересам господствующего класса. Оно являлось также основой для регламен-

тации воинской повинности дворян-помещиков. С одного поприща должен был выходить на службу служилый человек со слугой в бронях; в зависимости от количества имеющихся во владении поприщ число слуг соответственно увеличивалось. Расположенные на поприще 20 крестьянских хозяйств должны были выставить двух человек. Таким образом служилый человек, владеющий двумя поприщами, обязан был выйти сам с тремя слугами, с трех поприщ — с пятью слугами и т. д.

Регламентация воинской повинности вводила обязанности дворян в определенные строго границы. Еще в конце XV века никакого единообразного порядка в несении воинской службы не существовало, каждый феодал выводил военных слуг столько, сколько он мог содержать их „по силе“. Это вело к взаимным препирательствам и неудовольствиям как со стороны правительства, так и со стороны служилых людей. Регламентация воинской повинности пресекала незаконные посягательства со стороны правительства и в то же время давала возможность правительству требовать беспрекословного выполнения обязанностей службы с дворян. Этим упорядочивалась сама система несения воинской повинности.

Итак, реформы Ермолая-Еразма не вносили никаких принципиальных изменений в положение крестьянина.

Продолжим рассмотрение теории общества, выдвинутой Ермолаем-Еразмом.

Ермолай-Еразм не является сторонником равенства всех членов общества. Исходя из принципа отличия людей друг от друга, он считает вполне допустимым разную величину наделов: „Аще ли же где будет поприще поприщу землею неравно, — ест бо тако и людие: суть во едином удобствии, сиреч равенстве, имут же некая отстояния, между себе суще неравна — по человеку убо разсмотрим и поприща разделяет лучшим лучшая“.¹

Ермолай-Еразм не борется за введение равенства даже внутри господствующего класса, не говоря уже о равенстве всех членов общества, включая и крестьян. Крестьяне остаются у него только рабочей силой, обязанной содержать общество, т. е. господствующий класс. В отношении крестьян Ермолай-Еразм не предлагает придерживаться принципа соответствия прав и обязанностей с личным достоинством человека, как он это делает в отношении господствующего класса. Крестьянин, независимо от своих личных способностей и достоинств, обязан оставаться лишь необходимым придатком к земле, быть рабочей силой и не стремиться выйти из этого состояния.

Ермолай-Еразм, так же как и Пересветов, пытается доказать необходимость выдвижения и награждения людей (принадлежащих только к господствующему классу) в зависимости от их личных заслуг, а не по родовитости. „Комуждо по достоинству“ — вот требование Ермолая-Еразма. Личные способности человека и его заслуги перед государством должны вознаграждаться большим количеством земельных богатств.²

Государь, наделяя землей воинов и бояр, должен требовать службы без денежного вознаграждения. Это требование касалось как военной службы, так и административной. Это не была добровольная жертва со стороны господствующего класса, трудно заподозрить Ермолая-

¹ ЛЗАК, вып. 33, стр. 196—197.

² Там же, стр. 197.

Еразма в таком опрометчивом поступке. Это был очень продуманный шаг с его стороны; Ермолай-Еразм вполне последователен в своем стремлении отстаивать интересы своего класса. Освобождение крестьян от уплаты государственных повинностей снимало вопрос об уплате жалованья войнам и воеводам царя.

Классовый характер взглядов Ермолая-Еразма виден и в его стремлении сделать полностью едиными интересы служилых людей и государя. Царь такой же помещик, как и все остальные, он выделяется среди них лишь величиной своих земельных владений. Общность интересов царя и помещиков обеспечила бы единство мыслей и действий этих двух сил; будучи в сущности таким же помещиком, как и другие члены этого класса, царь лучше может понять интересы помещиков, составляя с последними единый лагерь, противостоящий крестьянству. Общность интересов царя и помещиков была необходима для проведения согласованной политики по отношению к крестьянству.

Итак, основу общества, по теории Ермолая-Еразма, составляют крестьяне; обязанностью их является содержание этого общества. Несмотря на то, что крестьяне являются единственным производящим классом в обществе, они не входят в число его полноправных членов и находятся на самом его низу, являясь простой рабочей силой. На этой основе зиждется благосостояние класса, интересы которого так дороги Ермолаю-Еразму, — класса помещиков во главе с царем; их связывают общие интересы: царь наделяет помещиков землей с крестьянами, а те несут ему бесплатную службу. Это такое общество, в котором непосредственный производитель, крестьянин, безжалостно эксплуатируется и подавляется, где рабское состояние крестьянина не только не признается неестественным, но всячески охраняется. В этом обществе крестьянина не считают за человека, не признают за ним прав на человеческое достоинство, а рассматривают только как рабочую силу, принадлежащую другому человеку из высшего класса. Право на владение личностью человека не является исключением, а признается общим правилом.

Представителя такой классовой идеологии, конечно, нельзя расценивать как идеолога крестьянства.

В отношении к крестьянству предложения Ермолая-Еразма во многом напоминают политику правительства Бориса Годунова. В условиях нарастания социально-политического кризиса, а также в условиях непосредственной угрозы крестьянской войны правительство Бориса Годунова предпринимает ряд шагов к тому, чтобы не допустить восстания крестьян. Оно встает на путь некоторых уступок крестьянству, ставя вопрос о регламентации крестьянских повинностей. Но в том и в другом случаях эти попытки вмешаться в отношения между землевладельцами и их крестьянами не имели успеха, так как феодалы решительно отстаивали право беспрепятственной эксплуатации крестьянина и не допускали ни малейшего ограничения своих прав. Даже в предчувствии неизбежности крестьянского восстания, когда появились уже его непосредственные предвестники, помещики не хотели идти на какие-либо уступки крестьянству. Тем менее можно было ждать уступок от служилых людей — помещиков 50-х годов XVI века, когда непосредственной угрозы крестьянского восстания еще не существовало. Крестьянские волнения были по своему размаху еще далеки от таких потрясших весь строй выступлений, как крестьянская война начала XVII века. Нужны были годы опричнины с их усилением эксплуатации крестьянства и, наконец, законодательство 80—90-х годов по крестьянскому вопросу, чтобы разразилась крестьянская война.

В середине XVI века служилый человек и само правительство не видели серьезных оснований для опасений и не собирались изменять хотя бы в малой степени своей политики по отношению к крестьянству, ведя линию на дальнейшее усиление эксплуатации зависимого крестьянина. Лишь некоторые предложения Ермолая-Еразма о введении новой земельной меры и о порядке несения военной службы были приняты во внимание и нашли отражение в последующем законодательстве 50-х годов. Но в отношении крестьянских повинностей господствующий класс продолжал политику, шедшую вразрез с предложениями Ермолая-Еразма.

В своем проекте Ермолай-Еразм особо останавливается на вопросе о значении города. Это указывает на возросшую роль городов, резко отличавшихся по своему характеру от сельских поселений. Город у Ермолая-Еразма является центром торговли, там совершаются торговые операции, приносящие большие прибыли — „прикупы“, обогащающие городское население. Ермолай-Еразм не увидел начавшегося уже в то время классового расслоения городского населения и рассматривал его как единый коллектив, который объединял под названием „стяжатели многа прибытка“.

Видя, что деньги заняли прочное место в обществе, Ермолай-Еразм стремится найти тот источник, из которого феодал мог бы снабжаться деньгами. В середине XVI века эту задачу выполняли крестьяне; обращаясь со своими продуктами на рынок, они вырученные деньги отдавали землевладельцу и государю. Уплата оброка натурой и освобождение крестьян от несения государева тягла лишали как землевладельца, так и государя этого источника денег.

Ермолай-Еразм видит выход в том, что город будет снабжать господствующий класс деньгами; получая от крестьян хлеб, землевладелец и государь могут продать часть его в городе и получить оттуда деньги. Получается своеобразное разделение труда: крестьянин снабжает господствующий класс хлебом, кормит его, а город снабжает господствующий класс деньгами.

Обязанностью городского населения является участие в содержании государственного аппарата; неся ямскую повинность, оно частично пополняет государственную казну, а также обеспечивает связь между отдельными центрами страны.

Выяснение общественно-политических взглядов Ермолая-Еразма и анализ предлагаемых им реформ позволяют ответить на вопрос: что же представляет собой Ермолай-Еразм как публицист?

Перед нами реформатор, прогрессивный деятель, но прогрессивность его не идет далее утверждения интересов дворянства, в середине XVI века являвшегося прогрессивной частью господствующего класса. Предложения реформ в сочинении Ермолая-Еразма шли в русле многочисленных других предложений, направленных на укрепление позиций дворянства, высказывавшихся в дворянской публицистике середины XVI века.